

Биография М.М. Бахтина как объект культурной памяти

© 2022 Лю Мяовэнь

*Лю Мяовэнь, кандидат филологических наук,
старший преподаватель Пекинского университета иностранных языков,
E-mail: miaowenliu@mail.ru*

Пекинский университет иностранных языков.
Пекин, Китай.

Аннотация. Изучение биографии М.М. Бахтина по-прежнему является актуальной проблемой бахтиноведения не только в России, но и за рубежом. При анализе данной проблемы автор использует теорию культурной памяти, поскольку изучение биографии ученого – скорее проблема культурной памяти, чем проблема истории. Память обладает неизбежной субъективностью, и то, какую биографию мыслителя можно написать сегодня, зависит от современных культурных структур. Введение категории культурной памяти направлено не на то, чтобы отменить возможность написания научной биографии, а на то, чтобы обеспечить более критическую перспективу биографического описания.

Ключевые слова: биография, М.М. Бахтин, культурная память, бахтиноведение, забывание.

Мы рассматриваем биографию М.М. Бахтина как объект культурной памяти. Изучение биографии мыслителя по-прежнему является актуальной проблемой как в России, так и за рубежом, несмотря на то, что существует большое число публикаций по этой теме. Как отмечают О.Е. Осовский и С.А. Дубровская, «бахтиноведение все еще не готово предложить его (т. е. Бахтина. – Л.М.) научную биографию, а попытки создания ориентированных на широкого читателя версий вызывают обоснованные претензии академического сообщества» [5, с. 192]. Данное замечание свидетельствует о том, что в существующих на сегодняшний день описаниях биографии Бахтина имеются значительные недостатки.

Хорошая биография зависит от широты кругозора автора, знакомства с героем биографии и его трудами, а также от уровня владения жанром биографического исследования. Среди множества образцов биографий известных писателей и ученых, назовем, на наш взгляд, лучшие: это книги «Владимир Набоков» новозеландского ученого Брайана Бойда (Brian Boyd) и пятитомник «Достоевский» Джозефа Франка (Joseph Frank), которые являются высоконаучными и в то же время доступными для широкой читательской аудитории авторскими биографиями. В отличие от биографий Достоевского и Набокова, написать биографию Бахтина гораздо сложнее.

Биография Бахтина изначально хранилась в личной памяти Бахтина, поскольку первооснова памяти – биологическая. После смерти ученого в 1975 г. основным материалом для изучения жизни Бахтина стали его рассказы, интервью, которые были так или иначе зафиксированы в виде вербального текста или фонозаписи. (Личная память становится культурной памятью, свободной от биологической основы и транслирующейся посредством культурных символов.) На самом деле, процесс преобразования органической нейронной памяти в культурную память начался еще при жизни Бахтина. Это были различные интервью, научные юбилейные конференции (например, проведенная в Тарту в 1973 г. конференция в честь дня его рождения) и т. д. После смерти ученого различные исследовательские сообщества продолжают конструирование культурной памяти. Состоявшийся семинар «Михаил Бахтин: подступы к биографии» – типичная форма закрепления памяти о Бахтине (обряд и праздник для Яна Ассмана – первичные формы организации культурной памяти [см.: 1, с. 59]).

При написании биографии мыслителя очень трудно выстроить линейное повествование, и проблема памяти является одной из самых важных. Бахтин умер 47 лет назад, не оставив

детей и утратив возможность увековечить личную и семейную память. По мнению Яна Ассмана, вид семейной памяти как носителя существования обычно ограничивается 80–100 годами (этот период, сдвигающийся вместе с современностью, охватывает временной горизонт в 3–4 поколения [1, с. 59]). Этот вид семейной памяти исчезнет из памяти человека, если только воспоминание не было записано. Алейда Ассман в своей статье также пишет: «Как правило, семейная память сохраняется на протяжении трех поколений при взаимном взаимодействии» [8, с. 49]. Этот закон напоминает Мир мертвых в американском фильме «Тайна Коко» (2017), героиня которого исчезает в Мире мертвых без благословения родственников из мира людей. Но путь семейной памяти Бахтина обрывается, что делает его биографический материал еще менее доступным и более трудным для описания. К счастью, диалоги Бахтина с формализмом в 1920-х гг. ввели Бахтина в более широкий культурный контекст, сформировав то, что Морис Хальбвакс (Maurice Halbwachs) называет коллективной памятью. В рамках культурной памяти «коллективная память» Хальбвакса интерпретируется как «коммуникативная память», которая может сохраняться только во взаимодействии [см.: 6].

Изучение биографии – это скорее проблема культурной памяти, чем проблема истории. Память о биографе может выйти за пределы времени (то есть биологический лимит) только в том случае, если она войдет в сферу культуры и станет частью культурной памяти, что достигается с помощью знаков и символов (Ассман в книге утверждает, что исследования современного французского историка Пьера Нора доказывают, что памятью манипулирует не коллективная душа или объективный разум, а общество, которое делает это с помощью знаков и символов [см.: 7, с. 122]).

Ученые изучали жизнь Бахтина как историю, в связи с чем возникает вопрос о научности биографии. Если рассматривать жизнь Бахтина как объект культурной памяти, то это совсем другое дело. Между историей и памятью существует четкое различие: история направлена на описание точного и объективного материала и стремится к объективности факта; память же – это субъективный материал, основанный на опыте отдельных людей и их окружения – с фантазиями, легендами и искажениями прошлого, проецируемыми в качестве вторичного материала. Понятно, что современное изучение жизни Бахтина ближе к последнему, и, несмотря на усилия ученых написать научную биографию Бахтина, налицо проблема ненадежности самих построений. Существуют проблемы концептуальных предубеждений; например, трилогия Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист» основана на историческом материале, она служит определенной идеологии. Другой пример: Ю.Н. Тынянов использовал для проверки собственной теории литературной эволюции пушкинскую эпоху и свой роман «Пушкин». Ян Ассман говорит, что «история и память иногда противопоставлены друг другу» [1, с. 44] (Хальбвакс противопоставляет коллективной памяти в целом «историю», как антоним [см.: 6]). Если автор пишет с этой целью, то трудно уже говорить о научности и достоверности, поскольку написанное является, по сути, воображаемой реконструкцией. Одна из них – субъективная причина, упомянутая выше: использование материала биографа для выражения собственных идей, что очень распространено в академических кругах, включая самого Бахтина. Приведем пример: термин «мениппова сатира» для М.Л. Гаспарова – это не филологическое исследование, а философское, потому что в нем процент реконструкции, воображения больше, чем аргументации [см.: 2, 3]. Другой вид реконструкции основан на недостатке материала: например, если вы хотите стать биографом Сократа или Конфуция, то фантазия почти неизбежна.

Еще один вопрос, касающийся ненадежности памяти, связан с мифом. Одним из самых популярных аспектов жизни Бахтина является его «открытие» в качестве литературоведа. Иными словами, Бахтин как бы был «забыт» в первой половине XX в. и оставался вне поля зрения ученых до 1960-х гг. Это очень интересный феномен культурной памяти, где забывание является основой для создания мифов. О том, что у Бахтина было свое место в академических кругах до того, как его обнаружили в Мордовии, свидетельствует библиотека Бахтина в Саранске, в которой собраны книги, подаренные ему Л.П. Гроссманом, В.Б. Шкловским и

другими учеными [см.: 4]. То есть, Бахтин был ученым, известным академическому сообществу, просто он не имел того статуса академической звезды, который он приобрел позже.

Мифическая конструкция на самом деле подчеркивает общечеловеческое любопытство, стремление к восстановлению чего-то потерянного, создавая тем самым бахтинский миф. Сегодня миф о Бахтине отражается также в его статусе в гуманитарных и социальных науках, где бахтиноведческие исследования стали заметными, однако составили еще один миф. В Китае Бахтин стал большим, необоснованным академическим «Джаггернаутом», чей статус, злоупотребления и неправильное использование в гуманитарных и социальных науках бесконечны. Это тоже можно обсуждать.

Итак, можно сделать следующий вывод: справедливо рассматривать биографию Бахтина как объект культурной памяти, где основной закон жизни – забывание, что одинаково справедливо для каждого человека, и лишь небольшое число людей, подобных Бахтину, имеют возможность войти в культуру, превратиться из преходящих личностей в константы культуры, из конечного в бесконечное. Но в этом процессе забывание все равно неизбежно, потому что память есть память из-за наличия отсутствия. Иными словами, забвение само по себе является памятью. Французский ученый Пьер Нора утверждает: «Причина, по которой люди так много говорят о памяти, заключается в том, что памяти больше не существует» [9, с. 3]. Память неизбежно обладает субъективностью, предвзятостью, ей свойственны заблуждения. Мы не можем знать всех деталей жизненного пути человека, биографию которого пытаемся написать, поэтому абсолютно точной научной биографии, по сути, не может быть. То, что мы можем вспомнить, определяется культурным контекстом нашего времени (т. е. эпистемой Фуко). Парадигма культурной памяти дает нам иной взгляд на жизнь Бахтина, парадигма, которая в равной степени применима к изучению всех биографических работ.

Введение категории культурной памяти направлено не на то, чтобы отменить возможность написания научной биографии, а на то, чтобы обеспечить более критичную перспективу биографического описания. Во многих случаях дело не в том, что биографическое описание ненаучно, а в том, что трудности написания биографии проявляются в самой природе жанра, который представляет собой сочетание рационального и эмоционального, универсального и индивидуального. Воображение здесь почти неизбежно, и трудно избежать недостоверности повествования. Поскольку субъект памяти был заменен, наш путь назад к фактическому объекту памяти отрезан, и реконструкция и воображение являются практически единственными способами, с помощью которых мы можем к нему приблизиться.

1. *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Яз. славян. культуры, 2004. 363 с.
2. *Гаспаров М.Л.* История литературы как творчество и исследование: случай Бахтина // Материалы Междунар. науч. конф. 10–11 нояб. 2004 г.: «Русская литература XX–XXI веков: проблемы теории и методологии изучения». М.: Изд-во МГУ, 2004. С. 8–10.
3. *Гаспаров М.Л.* М.М. Бахтин в русской культуре XX века // Гаспаров М.Л. Избранные труды: в 3 т. Т. 2. М., 1997. С. 494–496.
4. *Клюева И.В., Земкова Н.Н.* Собрание инскриптов на изданиях из личной библиотеки М.М. Бахтина. К 125-летию со дня рождения мыслителя. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2020. 320 с.
5. *Осовский О.Е., Дубровская С.А.* Бахтин, Федин, Шкловский. Два малоизвестных эпизода из биографии Михаила Бахтина // Вопросы литературы. 2021. № 1. С. 191–216. DOI: 10.31425/0042-8795-2021-1-191-215.
6. *Хальбакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27.
7. *Assmann A.* Cultural Memory and Western Civilizations: Functions, Media, Archives. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2011. 410 pp.
8. *阿莱达·阿斯曼, 陶东风:* 《个体记忆、社会记忆、集体记忆与文化记忆》

。载《文化研究》，2020第3期，第48-65页。Алейда Ассман, Тао Дунфэн. Личная память, социальная память, коллективная память и культурная память. Культурные исследования. 2020. № 3. С. 48–65).

9. 皮埃尔·诺拉：记忆之场》，黄艳红等译，南京：南京大学出版社2015年版。Нора П. Поле памяти / пер. Х. Яньхун и др. Нанкин: Изд-во Нанкинского университета, 2015.

M. Bakhtin's biography as an object of cultural memory

© 2022 Liu Miaowen

*Liu Miaowen, candidate in Philological Sciences,
Senior Lecturer at the Beijing University of Foreign Studies,
E-mail: miaowenliu@mail.ru*

Beijing University of Foreign Languages.
Beijing, China.

Abstract. The study of M.M. Bakhtin's biography is still an urgent problem of twenty-first-century Bakhtinology, not only in Russia, but also abroad, since there are many problems with the extant biographies of Bakhtin. We use the theory of cultural memory to examine this issue because we are convinced that the study of a scholar's biography is more a problem of cultural memory than of history. Memory has an inescapable subjectivity, and what kind of biography we can write depends on the cultural structures of our time. The introduction of the category of cultural memory is not intended to abolish the possibility of writing a scholarly biography, but only to provide a more critical perspective on biographical description.

Keywords: biography, M.M. Bakhtin, cultural memory, bakhtinology, forgetting.

1. Assman Ya. Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti / per. s nem. M.M. Sokol'skoj. M.: Yaz. slavyan. kul'tury, 2004. 363 s.
2. Gasparov M.L. Istoriya literatury kak tvorchestvo i issledovanie: sluchaj Bahtina // Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 10–11 noyabrya 2004 g.: «Russkaya literatura XX–XXI vekov: problemy teorii i metodologii izucheniya». M.: Izd-vo MGU, 2004. S. 8–10.
3. Gasparov M.L. M.M. Bahtin v russoj kul'ture XX veka // Gasparov M.L. Izbrannye trudy: v 3 t. T. 2. M., 1997. S. 494–496.
4. Klyueva I.V., Zemkova N.N. Sobranie inskriptov na izdaniyah iz lichnoj biblioteki M.M. Bahtina. K 125-letiyu so dnya rozhdeniya myslitelya. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2020. 320 s.
5. Osovskij O.E. Dubrovskaya S.A. Bahtin, Fedin, SHklovskij. Dva maloizvestnyh epizoda iz biografii Mihaila Bahtina // Voprosy literatury. 2021. № 1. S. 191–216. DOI: 10.31425/0042-8795-2021-1-191-215.
6. Hal'baks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' // Neprikosnovennyj zapas. 2005. № 2–3 (40–41). S. 8–27.
7. Assmann A. Cultural Memory and Western Civilizations: Functions, Media, Archives. Cambridge, New York: Cambridge Univ. Press, 2011. 410 pp.
8. Assmann A., Dunfen T. Lichnaya pamyat', social'naya pamyat', kollektivnaya pamyat' i kul'turnaya pamyat'. Kul'turnye issledovaniya. 2020. № 3. С. 48–65.
9. Nora P. Pole pamyati / per. H. Yan'hun i dr. Nankin: Izd-vo Nankin. un-ta, 2015.